

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНСПОНИРОВАНИЯ КАК СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ФРЕЙМАМИ

Лопатин Святослав Вячеславович,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
магистр политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: svyatoslav.vyacheslavovich@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2020, принята к публикации 16.03.2020

Для цитирования: Лопатин С.В. Специфика политического транспонирования как стратегия манипулирования политическими фреймами // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 140–152. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10110

Аннотация

Политические фреймы оказывают влияние на то, как мы определяем события и как конструируем свое последующее поведение в соответствии с этим определением. Исследование политических фреймов через призму манипулирования политическим сознанием индивида имеет огромный научный потенциал, поскольку открывает новые возможности для совершенствования технологий управления людьми. Однако потенциал этого инструмента недостаточно оценен. Несмотря на то, что манипулирование фреймами применяется во многих сферах общественной жизни, такие его механизмы, как преодоление инертности первичной системы фреймов, транспонирование значений из одной тональности в другую, подмена значений и замена прежних значений другими используются без технологически грамотной последовательности действий, а порой применяются без какой-либо стратегии. Следовательно, проведение исследований, в результате которых будут открываться все новые возможности манипулирования фреймами, является приоритетной задачей не только в зарубежной, но и в отечественной политической науке. На основании

© Лопатин С.В., 2020

этого в статье предлагается рассмотрение политического транспонирования (транспозиции) как одного из инструментов манипулирования политическими фреймами. Поскольку политическое транспонирование нацелено на проникновение в закрытую область политического сознания индивида с целью манипулирования его рамками восприятия, его первичной системой фреймов, автор исследует основные виды и механизмы данного воздействия. Исследуются следующие формы политического транспонирования: выдумка (игровое пространство, фантазия (политическое воображение), политический миф), состязание, церемониал и техническая переналадка (демонстрация, репликация и инсценировка). Особое внимание автором уделяется исследованию отличительных особенностей между политическим транспонированием и фабрикацией. В заключении статьи дан вывод о том, что субъект манипулирования при правильном использовании политического транспонирования способен организовывать реальность по собственному усмотрению.

Ключевые слова:

политическое транспонирование, манипулирование, фабрикация, фрейм, политическое сознание, политический церемониал, политическая борьба, политический миф, политическая игра.

UDC 32.019.51

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10110

THE SPECIFICS OF POLITICAL TRANSPOSITION AS A STRATEGY FOR MANIPULATING OF POLITICAL FRAMES

Lopatin Svyatoslav Vyacheslavovich,

Ural Federal University,
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
The Ural Humanitarian Institute,
Master of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: svyatoslav.vyacheslavovich@mail.ru

Article received on February 5, 2020, accepted on March 16, 2020

To cite this article: Lopatin, S.V. (2020). Specifika politicheskogo transponirovaniya kak strategiya manipulirovaniya politicheskimi frejmami [The specifics of political transposition as a strategy for manipulating of political frames]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 140-152. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10110

Abstract

Political frames influence how we define events and how we construct our subsequent behavior in accordance with this definition. The studying of political frames through the prism of manipulating the political consciousness of an individual has enormous scientific potential, as it opens new opportunities for improving people management technologies. However, the potential of this instrument is not sufficiently appreciated. Despite the fact that the use of frame manipulation is observed in many areas of public life, such its mechanisms as overcoming the inertia of the primary frame system, transposing meanings from one key to another, substitution of values and replacing old meanings with others are used without a technologically competent sequence of actions, and sometimes applied without any strategies. Consequently, conducting research, as a result of which will open new possibilities for manipulating frames, is a priority task not only in foreign, but also in national political science. Based on this, the article proposes the consideration of political transposition as one of the tools for manipulating political frames. Since political transposition is aimed at penetrating into a closed area of political consciousness of an individual in order to manipulate his perceptual framework and his primary frame system, the author explores the main types and mechanisms of this impact. The following forms of political transposition are studied: fiction (playing space, fantasy (political imagination), political myth), competition, ceremonial and technical readjustment (demonstration, replication and dramatization). The author pays special attention to the studying of the distinguishing features between political transposition and fabrication. The article concludes that the subject of manipulation, with the correct use of political transposition, is able to organize reality at its own discretion.

Keywords:

political transposition, manipulation, fabrication, frame, political consciousness, political ceremonial, political struggle, political myth, political game.

Политическое транспонирование является одним из основных видов общей стратегии манипулирования политическими фреймами¹ наряду с политическим фреймингом² и политическим рефреймингом³. Отличительной особенностью

---

¹ Политический фрейм представляет собой «определение политической ситуации» (И. Гофман), в основе которой лежит определенная «схема интерпретации» или «матрица возможных событий» (Г. Батыгин, В. Вахштайн). Данные механизмы воздействуют на мотивационную систему политического сознания, на основе которой формируются политические ориентации, установки и отношения к отражаемому (М. Минский и Н.В. Волосухина).

² Политический фрейминг – это комплекс последовательных действий, направленных на включение определенной области значений в политическое сознание объекта политического воздействия и усиление восприимчивости к этим и другим семантически близким значениям.

³ Политический рефрейминг – это переозначивание политической ситуации в сознании объекта воздействия, сопровождающееся сломом предыдущих значений и заменой их новыми значениями, в результате чего изменяется политическое восприятие.

политического транспонирования (или транспозиции) является переключение темы из одной тональности в другую. Данное переключение позволяет трансформировать роли, образы, действия, предметы и ситуацию в целом, уже осмысленные в базовой системе фреймов⁴ («если нет исходной схемы, то нечего переключать»), в другую систему координат, образующую некоторый мир вымысла (Лопатин, 2019, с. 69). Посредством транспонирования «настоящая», «исходная» реальность становится превращенной.

Переключение имеет как общие для всех исследований признаки, так и специфические. К общим признакам относятся (Гофман, 2003, с. 106): во-первых, переключение предполагает систематическую трансформацию из одной схемы интерпретации в другую. Во-вторых, непосредственные субъекты переключения осознают систематические перемены, преобразующие значения происходящего. В-третьих, переключение имеет временные и пространственные границы, выступающие своеобразными скобками, внутри которых и осуществляется трансформация. В-четвертых, систематическая трансформация, происходящая при переключении, не может качественно изменить отражаемую область значений. Тем не менее, даже незначительные изменения способны радикально изменить представления участников о происходящем. В-пятых, там, где уже имеет место переключение, повторная трансформация более вероятна.

Особенность политического транспонирования заключается в том, что сам процесс транспонирования является элементом фабрикация⁵, то есть целенаправленной деятельности субъекта политического воздействия по формированию у объекта воздействия ложного, иллюзорного представления о происходящем. Поскольку только субъекту воздействия – фабриканту – доступно видеть оболочку конструируемого им фрейма, объект воздействия не осознает оказываемого на него влияния, но имеет ключ к пониманию происходящего транспонирования. Применяя соответствующий транспонированию ключ к интерпретации происходящих событий, объект политического воздействия невольно оказывается включен в пространство осознаваемой и неосознаваемой формы переключения, где осознаваемая часть соотносится с общими правилами транспонирования, а неосознаваемая – со скрытыми в переключении значениями субъекта политического воздействия.

Фабрикация имеет две основные проблемы. Первая заключается в том, что фабрикант может не помнить истинные мотивы своих прошлых действий или вынужден по тем или иным причинам их изменить, и, как результат, он

---

⁴ Primary frame works (или первичные системы фреймов) – это система фреймов, формирующая картину мира индивида. Система, посредством которой индивид обнаруживает нечто осмысленное в тех особенностях сцены, которые в ином случае не имели бы никакого смысла.

⁵ Несмотря на то, что в рамках фрейм-анализа принято разводить понятия транспонирование и фабрикация, стратегия политического транспонирования изначально предполагает присутствие у субъекта воздействия скрытых целей и намерений. В. Вахштайн предполагает, что переключение может служить «подготовкой к фабрикации, тем самым являясь ее неотъемлемой частью. Точнее, само переключение здесь встроено в механику фабрикации». Другими словами, наше суждение основывается на том, что переключение является элементом фабрикации, ее «внешним слоем», «отвлекающим маневром».

будет вынужден произвести фабрикацию фабрикаций, что приведет к менее предсказуемым последствиям его деятельности. Вторая проблема связана с тем, что объект политического воздействия в рамках организованного транспонирования способен распознать транслируемые значения и замыслы фабриканта, в результате процесс переключения окажется неэффективным с точки зрения его манипулятивного аспекта, а само транспонирование будет раскодировано в политическом сознании объекта воздействия в качестве простого переключения в гофмановском понимании (имеются в виду общие признаки транспонирования).

Стратегия политического транспонирования основывается на том, что фабрикация структурно связана с формами переключения, которые были задействованы в определенной ситуации. Но возникает логичный вопрос о самих формах транспонирования. Согласно Гофману, в обществе наблюдаются пять основных ключей транспонирования фреймов: выдумка (имитация непреращенной деятельности в игровых целях), состязания (в которых драка становится боксом, а погоня – бегом), церемониалы (символические преобразования повседневности), техническая переналадка (репетиции, демонстрации, репликации) и пересадка (трансформация мотивов привычной деятельности) (Гофман, 2003, с. 109–145). Рассмотрим каждый из них более подробно.

Ключ «выдумка» объединяет создание вымышленных образов и показную имитацию, превращающую серьезное в несерьезное. В ключ «выдумка» входят формы организации игрового пространства, фантазии (политическое воображение)⁶ и драматургические тексты, представленные во фреймах политических мифов, политической идеологии, театре, кинематографе и т. д.

Игровое пространство как форма переключения используется в качестве вкрапления несерьезной деятельности в процессе политического взаимодействия. Например, субъект политического воздействия, превращая определенные аспекты института выборов в развлечение и игру, может не только повлиять на повышение явки избирателей, но и манипулировать итогами голосования (Вахштайн, 2011, с. 201–225). Так, на некоторых избирательных участках устраивают концерты, спортивные мероприятия, ярмарки, продажи еды и товаров, игровые комнаты для детей. Вплоть до переключения процедуры голосования на избирательном участке во фрейм «фестиваля», «празднества» и «локального торжества». Результатом данного транспонирования становится умеренно высокая явка и практически единогласное голосование. Кроме того, разыгранный перед наблюдателями и избирателями «спектакль» превращается в отвлекающий маневр для фальсификации, поскольку ключ «выдумка» задает сознательную инерцию восприятия ситуации как чего-то ненастоящего, притворного, игрового, а притворство довольно легко трансформировать дальше – в мошенничество. Другим примером использования игрового пространства в политике может служить программа «Куклы», выходившая в эфир на телеканале НТВ до 2002. Программа совмещала развлекательный и политический характер,

⁶ В исследовании мы сознательно отступаем от интерпретации фантазии (ключ «выдумка»), предложенной И. Гофманом, и заменяем ее понятием – политическое воображение. Под политическим воображением мы понимаем процесс создания новых образов политической действительности на основе переработки и творческого преобразования ранних политических представлений.

освещая различные проблемы государства и мировой политики с иронией, сарказмом, и в карикатурной форме высмеивая известных политиков. Подобное транспонирование известных политических деятелей в игровое пространство привело к тому, что в 1995 году против создателей программы было возбуждено уголовное дело по статье «Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Программа существенно подорвала авторитет политических деятелей в глазах людей, несмотря на ее игровую форму. В 2002 году программа «Куклы» была закрыта.

Политическое воображение как форма «выдумки» имеет несколько видов: «непроизвольный (бесплодное фантазирование, уводящее человека от действительности) и произвольный (сознательное формирование политических образов в соответствии с целями и задачами деятельности). Последнее делится на воссоздающее (построение политических образов на основе опосредствованной знаковой информации) и творческое (создание принципиально новых политических образов)» (Бозаджиев, 2014, с. 213). Примером произвольного творческого политического мышления является конструируемая область политических значений в виде идеальных, с точки зрения автора, общественных отношений, модели общества и государства, претендующих на стирание различий между реальностью и воображением. Так, аристократическая республика Платона, полития Аристотеля, добродетельный город-государство Аль-Фараби, «Город Солнца» Кампанеллы, «Утопия» Мора, фаланги Фурье, теория общественного договора Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Б. Спинозы, Ж.-Ж. Руссо, коммунизм в представлении К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, «Проект Венера» Ж. Фреско и другие проекты сознательно рассматривались и рассматриваются людьми в качестве прямого руководства и движущей силы к организации общественных отношений. Проект идеального общества, порожденного авторским политическим воображением, становится инструментом манипулирования политическим сознанием объекта воздействия посредством транслирования и адаптации соответствующих этому проекту значений.

Еще одной формой политического воображения является политический миф. Появление мифологии как формы сознания связано с эмоциональным и чувственным восприятием человеком окружающей действительности и отсутствием выделения индивида из природной и социальной среды. В связи с этим осуществлялись попытки очеловечивания окружающей природной среды (приписывание природным объектам жизни, собственных свойств, человеческих чувств). При этом уже тогда миф не только объяснял окружающую реальность, но и оказывал обратное воздействие на человека, определяя его жизнь, духовный мир и поведенческие установки. На основе мифологического сознания постепенно складывается религиозный взгляд на мир и сопутствующий ему тип мироощущения. Появление политической мифологии восходит к возникновению самой политики, сопровождающейся мифами о космической природе власти, о золотом веке, о природной иерархии и необходимости подражания природе, о народном правлении и т. д. В современном мире политический миф все чаще используется в противоположных целях — для контроля над массами, подавления их активности. Политический миф является средством манипулирования массовым сознанием, особой политической технологией, позволяющей упорядочить и интерпретировать различные факты, события и явления политической

действительности, структурировать видение коллективного настоящего и будущего для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства (Цуладзе, 2003, с. 359–374). В качестве примера подобных мифов можно привести миф о нейтралитете основных социальных институтов. Его главная цель – создание в общественном мнении представления, что правительство, система образования, наука находятся за рамками конфликтных социальных интересов, и что никакие частные группы или интересы не оказывают доминирующего влияния на важные процессы принятия решений в стране. Такое представление обеспечивает легитимность существующей власти и способствует ее укреплению.

Ключ «политического состязания» представляет собой переключение образа драки первичной системы фреймов в форму «организованной политической борьбы». Данный ключ, с одной стороны, в соответствии со своим изначальным образом имеет определенную цель – ощущение риска и неопределенности обстоятельств, с другой стороны, являясь продуктом транспонирования, имеет определенные институциональные границы, что отличает его от формы «игрового пространства». «Политическая борьба» институционализируется, то есть стабилизируется вместе с ареной действия (пространственно-временного признака) посредством введения формальных правил взаимодействия. Гофман по этому поводу пишет, что «по мере формализации правил, игра становится все менее и менее похожей на повседневную деятельность и все больше превращается в самостоятельную первичную систему фреймов» (Гофман, 2003, с. 119).

Целью «политической борьбы» является получение, упрочение и увеличение политической власти, которая соответствует политическому статусу, занимаемому субъектом на политическом поле. Субъектами «организованной политической борьбы» могут выступать: отдельные индивиды, политические движения, политические партии, общественно-политические организации, группы давления, политические элиты, политические институты, нации и этнические группы как субъекты политики и т. д. Важно заметить, когда цели субъектов «институционализированной политической игры» удовлетворяются, субъекты не склонны уступать свою политическую позицию на политическом поле, а стремятся к удержанию и расширению своей политической власти. Для них «политическая борьба» становится чем-то большим, нежели просто соперничеством за статус. «Политическая борьба» как форма «организованной политической игры» превращается в ценность саму по себе (Сарычев, 2008, с. 30).

Субъект политического воздействия, манипулируя ключом «политической борьбы», способен организовывать политическое соперничество между муниципальными органами власти, между муниципальной и региональной элитой, между группировками внутри политической партии, между коалиционными политическими партиями, между нациями и этносами, между государствами и т. д. История знает множество таких примеров. Так, Римская республика, стремясь подчинить Галлию, сталкивала между собой отдельные германские племена посредством найма на службу, предоставления привилегий и заключения союза с одними племенами, и одновременно пренебрегая другими племенами. В геополитике существует даже специальная тактика, которая называется «*Divide et impera*». Она подразумевает использование противоречий между отдельными государствами, а иногда и регионами большой страны. При этом противоре-

чия могут создаваться искусственно и внедряться пропагандой, в результате чего происходит возникновение конфликтной ситуации, способной перерасти в открытый политический конфликт. Не будем вдаваться в моральные оценки применения «*Divide et impera*», а констатируем, что данная тактика активно используется в современной геополитике. Благодаря этой тактике на карте существует множество государств-лимитрофов.

Ключ «политического церемониала» фреймирует участников с помощью временного их отделения из повседневной жизни в сценическое воплощение ролей, демонстрируя этим образцы надлежащего поведения. Политический церемониал – сценическое представление, создаваемое по заранее разработанному сценарию, призванное узаконить действующую власть, повысить уровень легитимности действующей политической власти и солидарности общества. Латентные значения церемониала раскрываются через концентрацию смысла происходящего в конкретном действии. Примерами воздействия политического церемониала могут служить: церемониал присяги – формирование будущего солдата; присуждение ученой степени – превращение человека в доктора наук; церемония вручения государственной награды – признание заслуг действующим правительством. Также Виктор Вахштайн замечает, что ключ «церемониал» применим и к процедуре голосования, в результате чего наблюдается усиление солидарности сообщества (см. Вахштайн, 2011, с. 209–212).

В средние века и Новое время политический церемониал коронации способствовал сакрализации политической власти монархов. Разрабатываемый сценарий церемонии и поиск необходимых к нему атрибутов продумывались таким образом, чтобы наследник престола качественно менял фрейм своего статуса и положения и приобретал принципиально новые значения в глазах приближенных. Историк Е. Н. Шайхутдинова уверена, что «совместная деятельность представителей католического духовенства и высшей знати в раннее средневековье сделали коронацию важнейшим таинством, формировавшим вокруг преемника трона ореол святости и богоизбранности» (Шайхутдинова, 2015, с. 61).

Государь признавался благословленным Всевышним на правление монархом. Именно поэтому для изменения восприятия подданными королевского статуса, укрепления авторитета и демонстрации близости короля к подданным часто использовали инструмент церемониала. В качестве примера современных политических церемониалов коронации можно привести церемонию коронации британских монархов, которая является важнейшим институтом при монархии, определяющим, кто будет формальным главой государства. Многие люди благодаря этому событию переживают эстетическое возбуждение и патриотическое единение, поскольку «в этой церемонии закрепляется мистическое качество преемственности во времени – кристаллизуются его организация и ценности, имеющие фундаментальное значение для представления о себе любого общества, будь то современное, архаическое или примитивное» (Шайхутдинова, 2015, с. 46).

«Техническая переналадка» – собирательный ключ для обозначения презентаций различных отрезков повседневной деятельности в виде демонстраций, репликации и инсценировок. Техническая переналадка преимущественно является средством информирования, убеждения и побуждения объекта политического воздействия посредством превращения реальной ситуации в ее сценическое изображение. В геополитике примером политической демонстрации могут

служить военные учения, заключение соглашений между государствами (формально – с целью совместных действий по решению общих политических, экономических и военных задач, неформально – демонстрация силы, расширение геополитической мощи), дипломатия канонерок⁷ и т. д. Один из случаев применения дипломатии канонерок произошел в начале 2018 года, когда в порт Дананга прибыл в сопровождении эскорта кораблей 7-го Тихоокеанского флота США один крупнейший атомный авианосец – Carl Vinson. Авианосец больше двух месяцев нес боевое дежурство в Южно-Китайском море и 16 февраля побывал в порту Манилы. Одной из целей ВМС США, по заявлениям официальных представителей, является демонстрация мощного военного присутствия США в Южно-Китайском море.

Проблема использования инструмента политической демонстрации – ключа «техническая переналадка» заключается в том, что данная форма фреймирования применяется совместно с другими формами транспонирования. Так, например, реконструкция «Боя за Берлин и штурм Рейхстага»⁸ сочетает в себе несколько форм транспонирования: а) организацию игрового пространства; б) реконструкцию военного конфликта; в) демонстрацию преемственности великого исторического наследия и сильного морального духа личного состава армии⁹; г) репликацию как форму активизации исторической памяти. Следовательно, публичная политическая акция не состоит из коммуникаций только одного типа. Это подтверждает и Михаил Агапов, который в своих исследованиях анализировал наложение различных порядков коммуникации друг на друга в условиях действий противоположных политических сил. Согласно выводам автора, результатом наложения порядков коммуникации становится или наслоение (layering) контекстов взаимодействия, усложняющее структуру контекстуализации события, или интерференция, ослабление, которое приводит к утрате определенности и ясности ситуации (misframing) (Агапов, 2013, с. 47). Одна из форм подобных наслоений рассматривается М. Агаповым на примере митинга «За честные выборы», проходившие в Тюмени в 2011 и 2012 годах. Автор выделяет два фрейма идентичностей участников митингов: «партийные активисты» и «новые митингующие». Первые – при организации публичного политического действия использовали фрейм действия (транспонирования) «закрытого театрализованного ритуализированного представления», предполагающего вовлечение участников коммуникации в театральные спектакль в качестве актеров, рабочих сцены и зрителей. Для «партийных активистов» был важен сам факт присутствия. «Новые митингующие» использовали преимущественно форму демонстрации ключа «техническая переналадка», предполагающую превращение участников в политических демонстрантов, передающих сообщение, и аудиторию, которой это сообщение передается. Результатом взаимодействия

⁷ Дипломатия канонерок – дипломатия, подкрепленная демонстрацией угрозы применения военно-морской силы одним государством с целью навязать свои интересы другому государству.

⁸ Историческая реконструкция Берлинской стратегической наступательной операции 1945 года, проходившая в подмосковном парке «Патриот» 23 апреля 2017 года.

⁹ Моральный дух личного состава (также воинский дух) – совокупность моральных и психологических качеств, которые определяют боеспособность армии, флота и авиации.

модусов фреймов идентичностей во фрейме публичной акции «За честные выборы» стало оттеснение «партийными активистами» (в переключении «хорами») «новых митингующих». Агапов справедливо отмечает, что «перехват протеста стал следствием не столько того, что организация протеста постепенно перешла из рук гражданских активистов к партийным, а того, что формат воспроизводимых последними порядков коммуникаций для «новых митингующих» оказался неприемлемым» (Агапов, 2013, с. 55).

Репликация как форма «технической переналадки» – это манипулятивное воспроизведение определенных событий и ситуаций, используемое для того, чтобы конституировать их как факт прошлого. Репликация представляет собой документальный исторический фрейм прошлого, отличающийся от политической демонстрации тем, что он воспроизводит факты, происходившие в действительности. Но вопрос заключается в том, насколько документальный фрейм может оказаться политизированным.

В отечественной политологии принято использовать специальные понятия для обозначений политизации истории: «политика памяти» и «историческая политика». Несмотря на тождественность их употребления, определим каждое из них отдельно. Понятие «историческая память» было введено Юргеном Хабермасом для обозначения «интерпретации истории, избранной по политическим мотивам, и попыток убедить общественность в правильности такой интерпретации» (Миллер, 2009). Теоретиком концепта «политики памяти» является Пьер Нора. Данный концепт подразумевает схожее определение: продуманная система «форм и способов интерпретации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа» (Русакова, 2012, с. 70). Следовательно, «историческая память» («политика памяти») является инструментом манипулирования историческими фреймами посредством акцентирования внимания на одних сюжетах истории и на замалчивании или маргинализации других. Средствами манипулирования могут служить:

а) организация институтов национальной памяти (например, Польский Институт национальной памяти (ИНП));

б) создание специальных музеев под прямым патронатом определенных политических сил (например, Музей варшавского восстания, Дом террора в Будапеште, музеи оккупации на Украине, в странах Прибалтики);

в) принятие законов, закрепляющих ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную (например, закон «О голодоморе 1932–1933 годов в Украине», введение уголовной ответственности в Литве за «одобрение советской и нацистской агрессии» и так называемые «законы памяти» во Франции, предусматривающие наказание за отрицание преступлений против человечества);

г) использование финансовых рычагов (финансирование проектов, осуждаемых по политическому заказу, предоставление высокооплачиваемых должностей и т. п.);

д) ограничение доступа к архивам (в России до сих пор закрыты некоторые советские архивы) (Миллер, 2009).

Основываясь на этом, можно заключить, что репликация как форма политического транспонирования может быть использована в качестве инструмента фреймированного воздействия на политическое сознание объекта политического воздействия.

Последний ключ, выделяемый Гофманом, называется «пересадкой». Несмотря на широкий к нему интерес со стороны исследователей фрейм-анализа, данный ключ имеет две проблемы. Первая проблема связана с его концептуализацией. Вторая – соотносится с тем, что данный ключ не содержит скрытых оснований для манипулирования, поскольку вовлечение объекта воздействия в какую-либо деятельность (во внешнее представление) имеет определенную прозрачность осуществляемого влияния. Следовательно, эффективность манипулирования имеет крайне низкий показатель. Основываясь на этом, анализ данной формы транспонирования с точки зрения его манипулятивных функций и возможностей не представляет исследовательского интереса.

Проанализировав основные ключи политического транспонирования, можно умозаключить, что субъект политического воздействия в своем технологическом арсенале возможностей для манипулирования политическим сознанием имеет эффективные стратегии преобразования окружающей действительности. Субъект политического воздействия с целью включения в политическое сознание объекта воздействия соответствующих его замыслам и целям значений способен организовывать реальность по собственному усмотрению. Он может создать реальность «политической игры» с целью скрытого манипулирования результатами выборов, может создать фрейм «политической борьбы» между политическими акторами, которые ранее находились в одном политическом лагере, способен организовать новую форму «политического церемониала» для обоснования своего права на политическое управление или организовать «политическую демонстрацию» для представления определенных значений и убеждения аудитории в их необходимости. Другими словами, стратегия политического транспонирования является эффективным и разносторонним инструментом манипулирования политическим сознанием.

Список литературы

1. Агапов, М.Г. (2013). Перехват протеста: фрейм-анализ публичной акции. *Социология власти*, 13, 45–57.
2. Бозаджиев, В.Л. (2014). Политическое мышление и политическое воображение как компоненты политической психики. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 4, 212–214.
3. Вахштайн, В.С. (2011). *Социология повседневности и теория фреймов*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
4. Гофман, И.Г. (вступ. статья Батыгин, Г.С.). (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова (Ред.). (Пер. с англ. Г.С. Батыгин, Л.А. Козлова). М.: Институт социологии РАН.
5. Лопатин, С.В. (2019). Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(34), 68–77. doi: 10.17506/dipi.2019.34.1.6876
6. Миллер, А. (2009). Россия: власть и история. *Pro et Contra*, 3–4. Взято с <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>
7. Русакова, О.Ф. (2012). Политика памяти в контексте современных реалий. *XV Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана*

«Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 20–23 марта 2012 г. Екатеринбург (с. 70–75).

8. Сарычев, О.В. (2008). Политическая игра: к вопросу о сущности понятия. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 2, 29–36.

9. Цуладзе, А.М. (2003). *Политическая мифология*. М.: Эксмо.

10. Шайхутдинова, Е.Н. (2015). Значение публичных торжественных ритуалов в процессе сакрализации власти монархов в средние века и раннее Новое время в исследованиях британских и американских ученых конца XXI – начала XXI в. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3–2(63), 61–64.

References

1. Agapov, M.G. (2013). Perekhvat protesta: frejm-analiz publichnoj akcii [Intercepting a protest: frame analysis of a public action]. *Sociologiya vlasti*, 13, 45–57.

2. Bozadzhiev, V.L. (2014). Politicheskoe myshlenie i politicheskoe voobrazhenie kak komponenty politicheskoy psihiki [Political thinking and political imagination as components of the political psyche]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 4, 212–214.

3. Culadze, A.M. (2003). *Politicheskaya mifologiya* [Political mythology]. М.: Эксмо.

4. Gofman, I.G. (with Batygin, G.S.). (2003). *Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Analysis of frames: essays on the organization of everyday experience]. G.S. Batygin, & L.A. Kozlova (Eds.) (G.S. Batygin, & L.A. Kozlova, Trans.). М.: Institut sociologii RAN.

5. Lopatin, S.V. (2019). Politicheskij frejming kak strategiya manipulirovaniya politicheskim soznaniem [Political framing as a strategy for manipulating political consciousness]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(34), 68–77. doi: 10.17506/dipi.2019.34.1.6876

6. Miller, A. (2009). Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: power and history]. *Pro et Contra*, 3–4. Retrieved from <http://polit.ru/article/2009/11/25/miller>

7. Rusakova, O.F. (2012). Politika pamyati v kontekste sovremennyh realij [Memory policy in the context of modern realities]. *HV Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya»*, 20–23 marta 2012 g. Ekaterinburg (pp. 70–75).

8. Sarychev, O.V. (2008). Politicheskaya igra: k voprosu o sushchnosti ponyatiya [Political game: to the question of the essence of the concept]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2, 29–36.

9. Shajhutdinova, E.N. (2015). Znachenie publichnyh torzhestvennyh ritualov v processe sakralizacii vlasti monarhov v srednie veka i rannee Novoe vremya v issledovaniyah britanskih i amerikanskih uchenyh konca XXI – nachala XXI v. [The significance of public ceremonial rituals in the process of sacralizing the power of monarchs in the middle ages and early Modern times in the research

of British and American scientists of the late XXI – early XXI century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3–2(63), 61–64.

10. Vahstajm, V.S. (2011). *Sociologiya povsednevnosti i teoriya frejmov* [Sociology of everyday life and frame theory]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.